

ПРОПОВСКИЙ ЦЕНТР

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

**ЯЗЫКИ СТРАХА:
ЖЕНСКИЕ И МУЖСКИЕ
СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004

Языки страха: женские и мужские стратегии поведения.
Статьи и материалы международной научно-практической конференции 3–5 октября 2003 г. / Под ред. Н. М. Герасимовой, Е. Л. Мадлевской. — СПб., 2004. — 292 с.
ISBN 5-288-03433-8

Издание осуществлено при поддержке Фонда им. Г. Белля

Дизайн обложки
Е. И. Егоровой

Оригинал-макет
Ю. Н. Прорубщиковой

ISBN 5-288-03433-8

© Пропловский центр, 2004
© Авторы текстов, 2004

От редакторов

Страх является одной из формант человеческого сознания, определяющей психологическую, культурную и социальную атмосферу его бытия. В исторических ситуациях, предрасполагающих к резким изменениям этой атмосферы, страх начинает играть роль фактора, движущего поведением людей в конкретных, личных обстоятельствах, страх стимулирует процессы, влияющие на развитие социальных и политических координат, в которых во все времена вынуждено существовать человеческое сообщество.

Настоящее время обусловило необходимость анализа такого типа процессов, поскольку временные координаты (начало нового тысячелетия) и пространственное положение России (пограничное расположение между Западом и Востоком) принуждают ее к участию в проблемных, “горячих”, хронотопически и исторически значимых конфликтах.

Приватный национальный интерес, впрочем, зависит от ситуации, которая сложилась в мире в целом. После событий начала XXI века каждый житель планеты оказался под неожиданной угрозой “терроризма” и “контртеррористических акций” — в позиции существа, ожидающего угрозы “здесь и сейчас”, без особого понимания природы и причины своих страхов.

Однако никакой геополитический “сюжет” не может объяснить или оправдать резкое сгущение атмосферы страха и эсхатологического ожидания, которые в сегодняшний момент формируют человеческую экологическую, социальную и психологическую парадигму. Страх, возникший на фоне ожидаемых позитивных сдвигов в истории, тем более значим, чем объемней иллюзии, порождающие надежды на его уничтожение.

Вместе с тем человечество не впервые находится в обстоятельствах такого рода и, по этой причине, выработало некоторые поведенческие тактики и культурные стратегии, позволяющие защитить гуманитарные ценности и психологические приоритеты, направленные на сохранение безопасности людского коллектива и природного благополучия.

Особое значение, в этом смысле, имеют традиционные культурные ценности, запечатленные в так называемой народной культурной практике, которая передает опыт “работы” со страхами из поколения в поколение. Эти текстовые и поведенческие модели имеют коллективную природу, они реализованы в фольклорной культуре многих народов и влияют на создание литературных произведений, и шире — на существование произведений искусства в целом.

Литература и живопись, музыка и кинематограф, реклама и газетно-журнальная практика “строят” поведенческий рисунок человеческого отношения к страху, определяют его процентное отношение и его субстанциальный статус в каждый момент социокультурного бытия человечества и вследствие этого имеют свою историю вопроса. Эта история уходит в глубины веков, как и история борьбы со страхами через создание текстов особого рода, имеющих сакральную или конвенциональную направленность.

Интерес к такого рода практикам и прецедентам закономерен в силу того, что сама акция, презентующая сюжет “преодоления страха” через культурные практики, фольклорную и литературную традицию, имеет перформативный смысл (то есть смысл преобразования имеющегося внутри каждого участника конференции личного психологического и идеологического опыта отношения к страхам). Дети, женщины, мужчины вырабатывают в течение веков свои стратегические позиции в этих вопросах. Узнать об их существовании представляется необходимым для исследователей смежных областей гуманитарного знания и просто людей, обеспокоенных своей позицией в мире.

Вопросы, которые мы предлагали к рассмотрению, имеют также специальную “гендерную” направленность, поскольку организаторы конференции работают в составе гендерных программ и продолжают практику рассмотрения социальных и культурных процессов с гендерных позиций, что, в частности, было реализовано на конференции “Язык — гендер — традиция”, состоявшейся в апреле 2002 года на филологическом факультете СПбГУ.

Докладчиками и участниками конференции стали представители различных возрастных групп (от студентов и аспирантов до известных деятелей науки и культуры, имеющих значительный психологический и творческий опыт). Круг участников конференции достаточно широк по сфере своих научных и профессиональных интересов. В ней приняли участие филологи, философы, психологи, социологи, школьные учителя и вузовские преподаватели, кинематографисты и писатели, врачи и искусствоведы, политологи и представители общественных организаций, которых интересует обсуждение предъявленных проблем. Мы были принципиально заинтересованы именно в междисциплинарном рассмотрении вопросов, поскольку в настоящее время рождается не только новая конфигурация политических и социальных сил, но и новая научная парадигма, имеющая синкретический характер.

Конференция проходила в течение 3 дней. Кроме индивидуальных докладов были проведены круглые столы (“Дети, женщины, мужчины — винтики одной машины”, “Опыт страха: правила и прецеденты” и

“Социокультурные формулы страха”), что позволило участникам конференции обсудить высказанные положения в рамках свободной дискуссии. Из трех круглых столов один был посвящен проблемам преодоления страха в языке, фольклоре и литературе, другой — психологическим аспектам страхов, предъявленных разными этническими традициями, третий — социальным и половозрастным аспектам страхов и способам борьбы с ними.

“Дети, женщины, мужчины — винтики одной машины. Все живем мы на земле, варимся в одном котле. Хорошо, хорошо, это — очень хорошо!”

Курт Воннегут

“Языки страха: женские и мужские стратегии поведения”

Программа конференции

3 октября

Центр современной литературы и книги
Наб. Макарова, д. 10/1

Утреннее заседание

- Герасимова Н. М.** Вступительное слово координатора проекта (Пропповский центр)
- Попкова Л. Н.** “Выученная беспомощность” и гендерные страхи: феминистский проект преодоления
- Петрова Е. Ю.** Психофизиологические и телесные проекции образов детских иррациональных страхов
- Герасимова Т. М.** Страх: гендерная парадигма
- Черниговская Т. В.** Симметричные мужчины vs асимметричные женщины: каким глазом подмигивать или зеленая тоска
- Битов А. Г.** Дежа вю*¹
- Дольник В. Р.** Страхи во сне и наяву*

Дневное заседание

- Секацкий А. К.** Нежеланность как полигон смерти
- Варданян А.** Мышь с серпом. Ужас экрана и ужас с экрана
- Жаворонок С. И.** Чего боится женщина? (Заговорные сборники XX–XXI вв.)
- Буфеллах О. Б.** Нигредо в женских снах, или О кошмарах
- Веселова И. С.** Страшное как граница сюжета
- Мигунова Е. А.** Два типа рассказа о святочном страхе

* Доклады, помеченные звездочкой, представлены в письменном варианте.

- Кадикина О. А.** Лемони Сникет: о новых детских страхах
- Левицкая О. Б.** “Убийца вышел из компьютера”: опасности Интернета глазами фольклориста*

Вечернее заседание

- Осорина М. В.** Традиции проживания страхов в детской субкультуре (психологический аспект)
- Абалакина А. В., Гуторова О. М.** Страшилки новых русских детей
- Арьева А. М.** Страх потери
- Зиндер А. В.** Идентификация, или О страхе разоблачения
- Фефелова Ю. Г.** Ритуальная субституция как способ избежать опасности

Круглый стол: “Дети, женщины, мужчины — винтики одной машины...”
(Модераторы: Т. В. Черниговская, Н. М. Герасимова)

4 октября

Центр современной литературы и книги
Наб. Макарова, д. 10/1

Утреннее заседание

- Пироженов О. Г.** Чего бояться мальчики и девочки: феномен страха в детской культуре (на материале советских анимационных фильмов)
- Мадлевская Е. Л.** Преодоление страха в русской народной традиции (на материале мифологических и бытовых рассказов и повести Н.В. Гоголя “Вий”)
- Михайлин В. Ю.** Страхи и неуместность: культы мертвых в индоевропейской традиции
- Никитина А. В.** Страх слепоты / видения в славянских представлениях
- Тимофеев В. Г.** Страх как художественный объект: гендерная проблема (на материале романов Роберта Ирвина)
- Титаренко С. Д.** “Вдохновение ужаса”: метафизика страха в творчестве К. Д. Бальмонта

Дневное заседание

- Гончарова О. М.** Страх и воля к власти в культурной биографии Екатерины II
- Соколов Д. А.** Субъектная неопределенность как источник страха в поэзии Г. Говарда (гендерный аспект)
- Смирнова М. В.** Русский маркиз де Сад (проза В. Сорокина)
- Герасимова Н. М.** “– Ой! – Что с тобой?”, или О страхе любви
- Хронопуло Л. Ю.** Тайные страхи японской женщины эпохи Хэйан
- Хворостьянова Е. В.** Ритм страха: к проблеме “ритм и смысл”
- Сухих И. Н.** Страх: слово и образ (К проблеме границы)
- Бухаркин П. Е.** Страх в пространстве трагедии*
- Степанов А. Д.** Об отношении к мертвым словам (Чехов и Сорокин)*

Вечернее заседание

- Большев А. О.** Страх как основа “творческого” конфликта в прозе Набокова
- Кучумова А. А.** Страх в глазах, страх впотымах, страх на костылях... (Рифмы к слову “страх” в русской поэзии)
- Сторожук А. Г.** Проблема страха в китайской литературе эпохи Тан
- Светлакова О. А.** Страх и бесстрашие в моралистике Сервантеса
- Липовская О. Г.** Глыба и Сонечка, Гений и женщина*
- Виролайнен М. Н.** Страх как изнанка диалога*

Круглый стол: “Опыт страха: правила и прецеденты”
(Модераторы: С. Б. Адоньева, О. М. Гончарова)

5 октября

Филологический факультет СПбГУ
Университетская наб., д. 11

Утреннее заседание

- Адоньева С. Б.** Страх жизни: мужские и женские возрастные кризисы
- Куприянова И. С.** Бифобия: современные социокультурные контексты
- Образцов А. В.** Эмиграция как фобия

- Соколова Н. Л.** Страх пустоты: женщина и эстетический этос
- Прохоров Г. С.** Мужские и женские комментарии антисемитских представлений (на материале современного Рунета)
- Славгородская Н. А.** “Муж будет бить, обижать, не будет уважать”: “восточный” мужчина глазами русской женщины (на материале полевых исследований среди поселенцев из республик Средней Азии и Закавказья)
- Носова К.** Упраздненная старость*

Дневное заседание

- Иванова Е. М.** “Если женщина — это пустая категория, то почему я боюсь ходить ночью одна?” Право, женщина, страх
- Романова Е. Н.** Канон как боязнь (канон пустоты и концептуальные технологии)
- Штакельберг О. Ю.** Саморазрушающее поведение
- Щепанская Т. Б.** Мифологизация страха в профессиональных субкультурах

Просмотр кинофильма **Петра Кожевникова** “Скажи, мама”

Круглый стол: “Социокультурные формулы страха”
(Модераторы: А. Э. Фомина, Е. В. Хворостьянова)

Участники круглого стола:

- В. М. Алахвердов, Е. Ю. Виленская, Л. Н. Кабанова, Б. С. Кобахия, А. Г. Козлова, О. Г. Липовская, А. С. Майзель, И. С. Островская, Э. М. Полякова, А. Э. Фомина, Т. Н. Шайдарова**

В программе конференции:

- Выставка детских рисунков “Страшное место”
Фотовыставка **Сергея Жиркевича** “Смех и страх”
(Куратор выставки: И. С. Веселова)

А. В. Абалакина, О. М. Гуторова

Страшилки новых русских детей

В детстве нас всех чем-то пугали и взрослые, и сверстники. Страшилки эти были разного рода, и пугали нас с разной целью. Например, пугали, чтобы заставить слушаться взрослых, — в противном случае, как говорили, придет кто-то страшный и утянет в свою нору или в лес, — вариантов много.

Детей пугают Бабаем, Хоком, сереньким волчком, который непременно должен ухватить несчастного ребенка за бочок и утащить под ракитовый кусток. «Не помню, кажется, не пугали <...> только вот, когда мне пели: «приидеёёет серенький волчооок и укусиит за бочоооок» — пели, замечу, без злого умысла, а в качестве колыбельной, я, засыпая, все ждала, что кто-нибудь меня все ж-таки за тот самый бочок и цапнет», — вспоминает Ирина (27 лет), инженер. Пугали запретом на прогулки, сдачей в интернат и в дальнейшей безрадостной перспективе — поступлением в ПТУ. К этому традиционному, но далеко не полному списку в последнее время прибавился пункт «запрет на компьютерные игры и просмотр приключений человека-паука или людей Икс».

В подтверждение вышесказанного можно привести результаты форума, проведенного в Интернете 28 мая 2003 года. Большинство участников форума вспоминает так называемого Бабая.

Дед Бабай — персонаж, действующий в пределах поселения от сумерек до утра. Низкорослый, в тулупе наизнанку, в мохнатой шапке и в валенках, сгорблен, зарос бородой, мохнатые брови, с горящими глазами, ходит с огромным мешком, куда собирает непослушных детей, которые не хотят спать. Вездесущий и может появляться во многих местах одновременно. Детей относит в Букало — огромную бездонную яму на краю земли. (Страшилка для детей от 2 до 3 лет — спасти может мама, если ребенок послушается и ляжет спать). 30-летняя Наталья пишет: «В моей памяти он навсегда остался в качестве ассоциации с татаро-монголом, который сидит по-турецки под кроватью, в узбекском цветном халате, лысый и с черными усами». Тот же Бабай, но живущий в другом месте, присутствует и в воспоминаниях 28-летней Татьяны: «И меня Бабаем пугали... Только он жил у нас на кухне... в вентиляционной дырке за решеткой... Это потому, что я плохо ела».

Здесь можно упомянуть также о типе «воспитательных» страшилок: это страшилки, если можно так выразиться, с положительной коннотацией. Их можно было бы назвать «испугалками». Здесь основным инструментом служит действие, а не вербальный акт, а главная цель —

не запугать ребенка, а удивить его настолько, чтобы он забыл о своих капризах. Ольга (27 лет) рассказывает: «Рядом с нами когда-то жила девочка, которая тоже плохо ела. Но ее не пугали, ее кормили следующим образом. Бабушка пряталась в ванну, периодически оттуда выскакивала, говорила: «Юленька (не помню, как девочку звали, пусть будет Юленька), ку-ку!» Юленька начинала хохотать неизвестно с какого перепугу, а ее мама тут же ловила момент, когда дите открывало рот, дабы похихотать, и запихивала в этот рот ложку с едой». Или другой забавный вариант: «А когда меня в детстве кормили, мой украинский дедушка начинал плясать гопака, а бабушка приносила в хату индюка живого... а мама с ложкой ловила момент, когда у ребенка от удивления отпадет челюсть» (Александр, 34 года).

Эти примеры иллюстрируют лишь один вид страшилок. Такого рода страшилки вспоминаются людьми примерно 30-летнего возраста. Но когда мы с аналогичным вопросом обратились к нашим родителям, то выяснилось, что для них в детстве основными страшилками были русские народные и авторские сказки. По воспоминаниям Марии (48 лет) для нее самым страшным моментом было попадание мухи в паутину (в произведении Корнея Чуковского «Муха-Цокотуха»). Но большинство взрослых людей называли русские народные сказки из разряда волшебных с сюжетной линией, характерной для кумулятивных сказок.

Что такое кумуляция? Кумуляция — циклическое повторение и расширение сюжетных узлов — один из основных приёмов создания сказочного текста, присущий сказкам любого типа, поскольку кумуляцией является всякое утроение действия в волшебных или новеллистических сказках.¹ В качестве примера можно привести сказку «Курочка» из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»:

Жил-был старик со старушкой, у них была курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, костяно, мудрено! положила на полочку; мышка шла, хвостиком трянула, полочка упала, яичко разбилось. Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Идет просвирия, спрашивает: что они так плачут? Старики начали пересказывать: «Как нам не плакать? Есть у нас курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, костяно, мудрено! положила на полочку; мышка шла, хвостиком трянула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старик, плачу, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась». Просвирия как услышала — все просвиры изломала и побросала.

¹ Подробно о приеме кумуляции см.: Амроян И. Ф. Типология цепевидных структур. Тольятти, 2000.

Подходит дьячок и спрашивает у просвири: зачем она просвиры побросала?

Она пересказала ему все горе; дьячок побежал на колокольню и перебил все колокола. Идет поп, спрашивает у дьячка: зачем колокола перебил? Дьячок пересказал все горе попу, а поп побежал, все книги изорвал.²

Смерть в такого рода сказках воспринимается детьми далеко не столь мрачно, как можно ожидать, поскольку в сказках смерть вещей, животных и стариков — “условна”. Кумулятивные сказки, как современные страшилки, примиряли детей традиционного общества с мыслью о неизбежности смерти и определяли их дальнейшее отношение к бренным вещам, к которым не стоит привязываться, и вечным ценностям. Разумеется, через сказки детям прививали такие необходимые для жизни качества, как трудолюбие, смелость, сметливость, чувство юмора (пусть иногда и черного).

Что касается черного юмора, то в современной детской культуре существуют так называемые рифмованные страшилки, например:

Дети на кухне играли в кухарку,
Папины уши ушли на поджарку.
У этой истории славный конец,
Из маминых ног классный был холодец.

Недолго мучилась старушка
в высоковольтных проводах.
Ее обугленную тушку
догрызли ежики в кустах.

Девочки мирно в куклы играли,
В качестве куклы — бабушку взяли.
Мерили платье — оно маловато:
Куклу под платье ровняли лопатой.

Рифмованные страшилки сочиняют как дети, так и взрослые. На первый взгляд эти четверостишия могут показаться слишком жестокими для детей, несмотря на то, что в качестве примеров были отобраны наиболее безобидные из них. Здесь отчетливо прослеживается воплощение вечного конфликта отцов и детей, так как основными героями этих страшилок являются маленький мальчик или маленькая девочка, которые противостоят взрослым, зачастую связанным с ними родственными узам:

Бабушка внучку очень любила,
мину в постель ей она положила.
Ночью два мощных раздалися взрыва —
внученька бабушку тоже любила.

Как же влияют такие ужасные истории на наших детей? Как ни странно, но психологи утверждают, что страхи нужны, что это — норма опасности, необходимая для развития интеллекта. Ощущение опасности подстегивает развитие интеллекта (только глупый человек ничего не боится). Страх не опасен, когда мы знаем, откуда он взялся и как от него спастись. Психологи считают, что “страшилки” детям только на пользу. Имеются в виду именно рассказы, а не сказки про Кошечку Бессмертного, Змея Горыныча и подобных пугающих персонажей, которые современного ребенка могут только развлечь. наших родителей эти сказки еще пугали, современных детей они уже не впечатляют. Дело в том, что с помощью таких произведений дети побеждают свои страхи. Маленькие дети могут бояться темноты, пустых помещений, громких звуков, но со временем от таких страхов нужно избавляться. Когда дети читают (или слушают) книгу, они, представляя себе всех кошмарных действующих лиц сообразно со своими возможностями, могут контролировать степень страха. Герои страшных историй — обычные ребята, похожие на самих маленьких читателей, и это помогает ассоциировать себя с ними. Они как будто вместе проходят через все жуткие приключения, переживают все леденящие кровь события. А кончается все хорошо, так что ребенок побеждает всех неправильных персонажей и постепенно перестает бояться. Кроме того, страшилки помогают ребенку поверить в свои силы, в способность победить страх и даже посмеяться над ним. Это происходит потому, что читатель или слушатель сказок может сам определять количество страха, которое он способен “переварить” за определенное время. К тому же следить за развитием страшного сюжета можно в полной безопасности, например, лежа под одеялом на любимом диване. Героев сказки малыш может представить настолько ужасными, насколько захочет сам. В этом смысле теле- и киноужастики гораздо менее эффективны, чем страшные книжки. Очень важно! Главный герой должен быть ровесником и современником ребенка.

Нередко дети сами сочиняют страшилки. Вот пример одной из таких. Ее рассказал 9-летний Голя: “Жил-был мальчик, и был он заколдован, что он по ночам превращался в волка. И обратно он мог расколдоваться, если его не испугаются. Ему было лет десять. Заколдовал его такой же — когда-то жил. Он его заколдовал за то, что тот однажды шел как бы пасти телят и их потерял. И вот он так жил. Жил, жил, жил лет до тридцати. Он по ночам превращался в волка, выходил, по городу хо-

² Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Л., 1936. С. 110.

дил и всех бандитов убивал — полезный волчок попался — и не бандитов тоже. Дальше он однажды того человека встретил, который его заколдовал. А тот ему сказал, что, если хочешь опять обратно расколдоваться, то он как бы должен там улететь на другую планету и там собрать редкое растение. И вот он тогда полетел и собрал это растение. И потом обратно, когда он пришел, он превратился в волка, и вот этот вот человек уже как бы не испугался, потому что он знал, что он его сам заколдовал. И тогда он расколдовался обратно”.

В этом тексте очень хорошо видно влияние современных комиксов и мультсериалов о различного рода суперменах и их противниках. Вместе с тем, здесь присутствуют и все элементы традиционной волшебной сказки: герой провинился, был заколдован, при этом было поставлено условие, при котором он “расколдуется”, получение задания и его успешное выполнение, счастливый конец: герой расколдован.

Из рассмотренного материала можно сделать вывод, что так называемые “страшилки”, “страшные истории” существовали, существуют, и будут существовать. Но для каждого поколения они свои. Кого-то пугали персонажи русских народных сказок, “герои” же нынешнего поколения — граф Дракула, Фредди Крюгер и подобные.

Страх жизни: мужские и женские возрастные кризисы

Летом 1996 г. мы проводили полевое исследование в г. Белозерске. Как обычно, в нем наряду с преподавателями и студентами принимали участие наши коллеги — психологи, лингвисты, философы, антропологи. Каждая вечерняя трапеза заканчивалась обсуждением того, что было услышано и записано в интервью за день. Тема данной работы также возникла в результате обсуждений текущих интервью. Большая часть наших информантов — пожилые женщины. В их рассказах о жизни постоянно встречались упоминания о поминовении умерших родственников-мужчин — братьев, мужей, сыновей. Такие упоминания были столь часты, что возникло предположение о высокой мужской смертности в исследуемом нами районе. Это предположение послужило предметом небольшого статистического исследования, которое мы тогда же предприняли вместе с Ольгой Буфеллах, а позже — в 1999 г. — продолжили в Вашкинском районе Вологодской области, прибегнув к помощи студентов-фольклористов. В настоящем сообщении мы ограничимся использованием данных Белозерского района, поскольку они более репрезентативны: в Вашкинском районе была рассмотрена статистика смертности за 2 года, в Белозерском — за 4 года.

Отдел статистики Белозерской районной администрации любезно предоставил нам все имеющиеся на этот счет данные, но оказалось, что возрастные показатели в общей статистике отсутствуют, общее же число мужских и женских смертей и рождений — приблизительно одинаково. И тогда мы решили посмотреть самостоятельно, как выглядит статистика смертности в отношении пола и возраста людей. За месяц нам удалось описать книги актов регистрации смерти по Белозерскому району с 1992 по 1996 гг. Приведем данные, отражающие статистику смертности по возрастам мужского и женского населения Белозерского района за рассмотренный нами период.